

В. Г. Белинский

**Изображение переворотов
в политической
системе европейских...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Изображение переворотов в политической системе европейских государств с исхода пятнадцатого столетия

«Сочинение Ансильона, немецкого француза, вышло в Берлине, на французском языке, в 1803 году. Хотя после того в сфере исторического знания произошло сильное движение вперед и как взгляд на историю, так и ее форма много изменились, однако история Ансильона, во-первых, имеет свои безотносительные достоинства, которые долго еще не допустят ее до Леты, а во-вторых, она сама принадлежит к тем историческим сочинениям, с которых началась новая эра исторического знания и которые способствовали перевороту в его сфере. С этой точки зрения, творение Ансильона всегда будет иметь великое значение...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Изображение переворотов
в политической системе
европейских государств с
исхода пятнадцатого
столетия**

Сочинение Ф. Ансильона. Перевод с французского. Том второй. С.-П.-бург

Сочинение Ансильона, немецкого француза, вышло в Берлине, на французском языке, в 1803 году. Хотя после того в сфере исторического знания произошло сильное движение вперед и как взгляд на историю, так и ее форма много изменились, однако история Ансильона, во-первых, имеет свои безотносительные достоинства, которые долго еще не допустят ее до Леты, а во-вторых, она сама принадлежит к тем историческим сочинениям, с которых началась новая эра исторического здания, и которые способствовали перевороту в его сфере. С этой точки зрения, творение Ансильона всегда будет иметь великое значение. С французскою ясностью и картинностью изложения, не затемняемою отвлеченными рассуждениями, Ансильон соединяет немецкую основательность и ученость. Многие из его мыслей верны, здравы и, по тогдашнему времени, даже глубоки. Местами он резонерствует; так, например, он особенно любит рассуждать о том, что бы случилось,

если б не сделалось так, как сделалось. Самый пустой вопрос, о котором нельзя судить и мыслить, но о котором можно нарезонерствовать с три короба. А priori выводятся идеи, но не факты, знание фактов возможно только a posteriori. Чтобы рассуждать о том, что будет, или о том, что было бы, если б предшествующее обстоятельство совершилось иначе, – для этого не нужно ни познаний, ни образования, ни ума: болтай себе, что войдет в голову, и только. Что было бы с реформациею, если б Лютера не было, или если б Лютер умер тотчас по сожжении папской буллы и канонического права? Мы думаем, что лучший ответ на подобный вопрос есть следующий: *было бы то, что было бы.* Существование Лютера было чистейшею случайностию, потому что Лютер так же бы мог и не родиться, как он и родился, и так же мог бы не получить от природы гениального духа, как и получил его; и если он родился на свет и родился великим человеком – это чистейшая случайность. Необходимое же и непреложное в явлении и судьбе Лютера заключается в духе его времени. Рыцарство уже отжило свой век и падало,

уступая развитию новой гражданственности, возвышению среднего сословия и городов. Открытие Америки, изобретение пороха и книгопечатания довершили падение первого и торжество второй. Средние века кончились — настал новый великий период жизни человечества. Католицизм кончил свое великое дело. Папская власть пала в общественном мнении. Великий переворот был уже готов: оставалось случаю выдвинуть на сцену человека, который, по своей натуре и своему развитию, мог бы сделаться органом общей мысли, главою движения, представителем века, героем его драмы. Таким явился Лютер, сам того не зная. Он не думал быть реформатором, действовал не по обдуманному плану: дух времени двигал его духом, а обстоятельства, бывшие результатом духа времени, указывали ему путь и средства. Путешествие в Рим открыло ему глаза на столицу духовного мира, заронило в его душу зерно того религиозного негодования, которое потом произвело реформацию. Тихо жил Лютер, преподавая богословие в Виттембергском университете и пользуясь славою отличного профессора. Продажа

индальгенций вооружила его против Тецеля и ввязала в богословскую полемику; горячность и вспыльчивость характера подвигли на сожжение папской буллы и канонического права, а сила железной воли и ревность не допустили его остановиться на полдороге, но заставили идти вперед. Увлекаемый обыкновенною стремительностию человеческой мысли, подвигаемый обстоятельствами и вспомоществуемый ими, Лютер сделался реформатором прежде нежели сам сознал это. Родись Лютер веком позже, и никто не знал бы его имени. Причина очевидна: великие люди всегда бывают, только не всегда обстоятельства вызывают их на позорище мира, – и благо тем, которые рождаются во-время и находят свое дело! Великий человек никогда не выдумывает себе дела, но находит его во времени, в известном моменте диалектического движения мысли, исторически-развивающейся в событиях. Следовательно, великий человек творит не свою волю, но волю пославшего его, так что часто, думая выполнять свои собственные желания, он в самом-то деле есть только орудие другой, высшей воли. Посему

форма событий всегда случайна, и вот почему их нельзя ни предвидеть, ни предсказывать; но *причина* событий всегда необходима, и вот почему – «чему быть, тому не миновать». На какие бы уступки, ограничения и преобразования ни согласились папы – переворот совершился бы, хотя бы, может быть, и в другой форме. Лютер мог умереть и до начала, и в начале, и в половине реформации, но дело все пошло бы своим чередом. Оно могло замедлиться, могло совершиться в другой форме, мог бы явиться другой Лютер, как бы то ни было, только оно совершилось бы, а как именно – об этом рассуждать бесполезно. Но что во всяком случае религиозные войны в Европе были бы неизбежны – это ясно, ибо *идея* совершается в *деле*, и такое великое дело, как реформация, не могло произойти без потрясений. К тому же оно совершилось через людей, а где люди – там и страсти, и расчеты эгоизма, и фанатизм.

Перевод истории Ансильона нестерпимо плох. Видно, что г. переводчик не слишком коротко знаком ни с французским, ни с русским языком. Не говоря уже о том, что его

слог тяжел, бесцветен и мертв, – сколько бессмыслиц и самых грубых ошибок в значении слов! Вот несколько примеров в доказательство справедливости нашего мнения о переводе: «Однако Карл еще скрывал свои намерения и как будто ожидал окончания раскола решение Тридентского собора, который, будучи *требуем* обеими партиями и *долженствовавшей(?)* исцелить все бедствия церкви, уже начал свои заседания» (стр. 37). «Она вступила в переговоры, от которых не ожидала никакой пользы, чтобы воспламенить патриотизм всего народа и убедить его в *неизбежной необходимости* войны» (стр. 282). Здесь явная двусмысленность: переговоры ли были бесполезны для возбуждения патриотизма народа, или вступление в переговоры было бесполезно для возбуждения патриотизма в народе. «Яков Арминий отвергал строгие постановления Кальвина о *предназначении и милости*» (стр. 344). Что это за строгие *постановления*? Тут идет дело о *началах*, правилах, а не постановлениях. Что за *предназначение* и что за *милость*? В подлиннике говорится о *предопределении* (*prédestination*) и *благодати*

(grâce) вот как: «Jacques Arminius avait mitigé les *principes sévères et durs* de Calvin sur la *prédestination* et la *grâce*». (См. Tableau des révolutions du Système polit, de l'Europe, т. II, р. 467.)[1]. Таков вообще весь перевод книги Ансильона. Жаль! такая книга стоила бы лучшего перевода!

Примечания

Перевод: «Яков Арминий смягчал суровые правила Кальвина о предопределении и благодати» (см. «Изображение революций в политической системе Европы», т. II, стр. 467).

[^^^]